

Максим Горький

Пожар

Максим Горький

Пожар

«Public Domain»

1915

Горький М.

Пожар / М. Горький — «Public Domain», 1915

«Наша улица – Мало-Суетинская – круто спускалась с горы к реке по двум сторонам оврага-съезда, вымощенного, точно на смех, неровно, крупным булыжником. По откосам овраг густо зарёс лопухами, полынью, конским щавелём; в гуще пыльного бурьяна, среди сношенных опорков, черепков посуды и битого стекла, грустно прятались синие цветы повилики, розовые кисточки клевера, золотые звёзды лютиков и мохнатый одуванчик...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Максим Горький

Пожар

Наша улица – Мало-Суетинская – круто спускалась с горы к реке по двум сторонам оврага-съезда, вымощенного, точно на смех, неровно, крупным булыжником. По откосам оврага густо заросло лопухами, полынью, конским щавелём; в гуще пыльного бурьяна, среди сношенных опорков, черепков посуды и битого стекла, грустно прятались синие цветы повилики, розовые кисточки клевера, золотые звёзды лютиков и мохнатый одуванчик.

Съезд был непригоден для езды – даже пустые телеги сами собою катились вниз, подпирая лошадей, а спуститься с возом и подавно никто не решался.

Круглый год эта щель в земле была безлюдна, и хотя внизу гудел город, но казалось, что съезд ведёт за реку, в синевато-серую пустоту лугов. Только летом, в праздничные дни да жаркими ночами, доможители Мало-Суетинской вылезали из своих жилищ, располагаясь в бурьяне откосов для бесед, пьянства и любви, возбуждаемой не столько игрою здоровой крови, сколько желанием избыть скуку нищей жизни.

Улицей назывались две узкие полоски земли между линиями домов и откосами съезда. Старенькие дома, распухшие от обилия жителей, смотрели друг на друга через съезд водянистыми очами окошек недоверчиво или жались друг ко другу, не то осторожно спускаясь вниз, к простору широкой реки, не то с трудом восходя наверх, к тихому городу богатых купцов и строгих чиновников.

Тесно, точно кадки огурцами, дома были набиты мастеровщиной, всё – скорняки, жестяники, столяры и портные для лавок готового платья на балчуге¹. Эти люди с утра до ночи создавали непрерывный шум – особенно выделялся стук деревянных молотков по листам жести и дробные удары тонких палок по шкуркам меха. Плакали дети, ругались женщины, безумно орали пьяные – жизнь Мало-Суетинской улицы, задыхаясь в тесноте и грязи, пела всем знакомую бесстыдную песню.

Все доможители не любили свою улицу: земля под окнами домов была заплёскана помоями, засорена разной дрянью, из подворотен выбегала мелкая стружка, текли грязные ручьи; в траве у заборов блестели обрезки жести, куски стекла, летом они вонзались в ноги детей.

Только раз в году, на троицу, домохозяева – не все, конечно, – сметали сор улицы измызганными мётлами под откосы съезда.

И на стенах домов грязиросло не меньше, чем на земле. По субботам бабы старательно мыли полы, но от этого только кислый запах гнили растекался в воздухе да с утра до вечера на улице стояли лужи удивительно грязной воды.

Осенними ночами, когда в большинстве окон огонь погашен, а в некоторых ещё горит, улица, под дождём и ветром, становилась особенно унылой; дома, разбухнув, оплывали, везде хлюпала и ворчала вода; жёлтые пятна света ложились из окон на ручьи, ручьи сердито трепали эти пятна, стараясь погасить даже призрак огня. И вообще, всегда огонь в этой улице был тоже как будто нелюбим – мало его, затерян он в тесных клетках домов.

В улице жило человек двести, но наиболее заметными людьми считались трое: лавочник Братягин, бездельный юноша Коля Яшин и печник Чмырёв.

Братягин – вдовец, лет сорока пяти, крепкий мужчина с большими серыми глазами; серо глядя на людей, они, казалось, всё понимали, проникая прямо в душу, но были странно неподвижны – лицо Братягина сплошь заросло желтоватой шерстью, и глаза как будто заплутались в ней.

¹ От татарского – «болото», «грязь». Ещё со времён Ивана Грозного на в таком месте обычно строили кабаки; вокруг них развивалась мелкая торговля, рынок – Ред.

– Зна-аю я вас! – встряхивая головой, говорил он людям, и люди не сомневались в том, что он их знает.

Он читал «Мямлинский листок», и когда ключья старых номеров вместе с покупками попадали жителям, они тоже читали газету. К лавочнику ходили советоваться о домашних делах, жаловаться друг на друга, он охотно писал прошения мировому и уверенно говорил о России, о боге, о непорядках жизни.

– Живёте вы, как свиньи! – веско внушал он суетинцам; голос у него был громкий, и они, покорно вздыхая, соглашались с ним.

Он жил чисто, смиренно, одиноко, стоял среди суеты нашей улицы крепко, точно по колена в землю врыт. Знали, что, когда женщина помоложе и почище просила у него в долг, он, внимательно и молча выслушав её просьбы и жалобы, приказывал ей, кивая за прилавок, на дверь в свою комнату:

– Пройди туда, что ли...

Через некоторое время он выводил её оттуда и, брезгливо поплёвывая, отпускал ей товара не больше, чем на гривенник. Это – знали, но никто не осуждал вдового человека, а его оценка женской ласки не считалась нищенской в нашей улице.

Печник Чмырёв и Коля Яшин служили улице для забавы и осмеяния.

Над Колей издевались потому, что он был юноша скромный, болезненный, одевался франтовато, и хотя пел в церковном хоре, но не пьянствовал, как все певчие, и вообще в нём не замечали никаких пороков. Это возбуждало ревнивые подозрения улицы и даже несколько обижало людей, – все живут во грехе пред богом, все друг про друга знают что-нибудь худое, а он – беспорочен!

– Пройдёт с ним, – объясняли наиболее добродушные люди, – он – матери боится, а – помрёт мать, покажет Коля фокусы!

Он читал книжки и даже – говорили – сочинял стихи барышням Карахановым; их было семь, все они ходили в одинаковых платьях, и – должно быть, за это – улица звала их – «семь дур Карахановых».

Когда Коля в праздники, перед вечерней, тихонько шагал мимо окон – все знали, что он идёт к «семи дурам»; их барский ветхий дом стоял первым при входе из города в нашу улицу, спрятан в саду, среди лип, покрытых лишаями. Стройный, маленький, похожий на подростка, несмотря на свои двадцать лет, Коля шёл, сконфуженно наклонив голову, пряча бледное лицо и покашливая в ответ на шутки. В руке у него тросточка с набалдашником в виде лошадиной ноги – наследство после отца, другая рука в кармане брюк, а из грудного кармашка тужурки торчит кончик платка – золотисто-жёлтый или алый, под цвет галстуку.

Из окон кричат ему:

– Эй, Яшин-мамашин! Чахотошный, эй!

И почти всегда – мальчишки и взрослые – простейшими словами спрашивали об одном и том же:

– Которую сегодня целовать будешь?

Коля идёт, как глухонемой, только иногда кашляет погромче да поводит плечами, точно его кнутом бьют.

Но его всё-таки не очень обижали, а вот о Чмырёве даже сами суетинцы говаривали:

– Терпелив печник, круглый чёрт! Другой бы на его месте в драку с нами полез, а то – кирпич в окно...

Чмырёв был человек коротконогий, толстый, его широкое лицо исчертили красные и сизые жилки, где-то среди них беспокойно и внимательно бегали маленькие чёрные глаза.

– Сафьяновая рожа! – говорили ему суетинцы, он останавливался и, загибая палец на левой руке, считал серьёзно:

– Раз.

– Утюг!

– Два.

Люди солили слова свои всё круче, но печник оставался непоколебим и всё считал:

– Шашнадцать. Ну?

– Пошёл...

Чмырёв смеялся сиплым смехом и говорил:

– Ну, как же вы? Даже разозлить человека не умеи! Чего же вы умеи?

И уходил, куда ему надо, поглаживая корявой рукою толстые волосы бороды, – борода у него точно из белёных ниток, прямая, серая и тяжёлая. Смешной особенностью печника было наянливое стремление внушать людям любовь к чистоте, благообразию, порядку. Это заметили за ним давно: однажды весенние потоки, выворотив булыжник съезда, вымыли на нём глубокие ямы, – печник тотчас же стал учить доможителей:

– Вы ба забили ямы-те мусором, а то сами жа, пьяные, ноги ломать будите...

Он говорил об этом несколько раз, на смех людям, и, наконец, утром воскресного дня сам начал поправлять мостовую: наносил мешком мусора, песку, уложил булыжники и утрамбовал. Смешно и досадно было смотреть, как он возился с этим делом, на пользу городской управы, и много глумились над ним. Тогда и было замечено, что он – чужак.

– Дела надо делать прочно, надолго, – любил он говорить. – Мы на земле не одни живём...

Его спрашивали:

– А кто ещё, кроме нас?

– Чай – не все сразу помрём...

– Экой чужак! – удивлялись жители.

Особенно прославился он после своей распри с Братягиным из-за Лидуши Сувойкиной. Это была девушка-подросток, миловидная и очень набалованная матерью. Она считалась не в своём уме, после того как её мать, торговка старьём на балчуге, умерла в тюрьме, куда её посадили за сбыт краденного.

Однажды Лидуша, остановив Чмырёва на улице, опросила его:

– Как мне быть, Василий Лукич? – она знала, что с печником тоже иногда, шутки ради, советовались. – Лавочник говорит, что я сирота, бесприданница, да и полудурьё, так замуж меня никто не возьмёт, а шла бы я за него...

Чмырёв спросил:

– Тебе который годок-та?

– Пятнадцать скоро...

Через несколько дней в лавку Братягина явилась важная барыня с полицейским и очень напугала почтенного лавочника угрозами отдать его под суд.

Эта история сильно подняла Чмырёва в глазах улицы, но через несколько месяцев стало известно, что Лидуша поступила на содержание к мировому судье, – печник был снова жестоко осмеян, а Братягин уверенно говорил:

– Зна-аю я эдаких-то!

И даже обещал доказать, что Чмырёв сам сосватал девицу мировому, взяв с него за это пять с полтиной.

В сватовство улица не поверила, но печник навсегда упал в её мнению.

А кроме всего этого, раз в год – обыкновенно весною – Чмырёва настигал дикий запой и мучил его недели две, как чёрная немочь, валяя круглое тело по земле, в грязи, по камням мостовой.

– Свинья! – говорил Братягин, стоя на страже у двери лавки своей и спрятав руки под передник, всегда – чистый.

Суетинские мальчишки ездили на пьяном печнике верхом, а он, ползая на четвереньках, дико орал:

– Бож-жа мой... Б-бо-жа!

Весною, когда земля оттаёт, люди тоже как будто становятся мягче.

По вечерам и в праздники суетинцы поднимались к забору Карахановых и на пустырь против него, садились на кучи мусора, торчавшие по пустырю серыми могилами, и смотрели вниз, на реку.

Сбросив серо-синий лёд, река разлилась далеко по лугам и покрыла их мутным стеклом до чуть видной на краю земли белой церкви села Толоконцева. Кое-где стекло как бы разбито, и сквозь него проросли кусты, вершины деревьев, высунулись крыши каких-то хижин. В одном месте над гладью половодья стоят три кудрявых дерева – одно к одному, как три брата, утонув вплоть по нижние сучья.

Над рекою, в зеленоватом вечернем небе, между последних облаков зимы сверкает юное солнце, золотые лучи ласково греют воду, местами она – как расплавленное олово.

Белым дымком стремительно бегут по небу клочья облаков, серые тени лёгкой кисеей глядят реку против течения, ветер – на север, а река – на восток. В широких далях водной пустыни снуют рыбацкие лодки, как мухи на стекле, буксирный пароход тяжело тащит из затона пустые тупоносые баржи, лебедем спускается по реке белый пассажирский, взбивая пену красными лапами. Сверху реки, звено за звеном, плывут плоты, тёмные куски эти – точно острова на воде; думается, что земля тает, как лёд, отрывается сама от себя и спешит уплыть скорее к тёплому морю, ближе к ласковому солнцу.

И как будто все на земле передвигается – дома, деревья медленно подставляют озябшие бока вешнему солнцу, так же осторожно и скрыто-радостно, как делают это наши суетинцы.

В саду Карахановых набухают почки, рыжеватые ветви становятся жёлто-зелёными, вороны шумно поправляют гнёзда, растрёпанные зимними вьюгами. По откосам съезда, среди острой щетины робких трав, светятся золотые цветы бедняков – одуванчики, любимые детьми. И даже между серых камней мостовой выползают на солнце какие-то бледные стебли. На пустыре, на серых холмах, среди кусков ржавой жести, высунулись ростки полыни, и в густом запахе гнили уже слышен её острый горький запах. Скромный подорожник стелется под ногами, раскрашивая грязные тропы своей яркой зеленью, и всюду победно вздымается к солнцу новое, юное, ласковое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.